

Н. С. ЛЕСКОВ О ДОСТОЕВСКОМ (1880-е годы)

Сообщение К. П. Богаевской

Трудные и неровные взаимоотношения Достоевского с Лесковым не привлекали особенного внимания исследователей. На них коротко остановился сын Лескова в своей книге об отце¹. Однако А. Н. Лесков, подчеркнув неприязненность писателей друг к другу, почти молчаливым положительное в оценке его отцом деятельности Достоевского.

Единственная обстоятельная работа по этому вопросу принадлежит В. В. Виноградову². Статья его построена на бесспорном положении, что Достоевский и Лесков, «несмотря на кажущиеся внешние соприкосновения их литературных позиций на почве своеобразного народничества, оставались чуждыми друг другу по основному направлению творчества»³.

Некоторые материалы, неизданные и забытые, остались за пределами статьи В. В. Виноградова⁴. О них и будет речь ниже.

1

На другой день после смерти Достоевского выходит в свет последний (январский) выпуск «Дневника писателя», посвященный главным образом прославлению религиозного духа русского народа.

31 января Лесков присутствует на выносе тела Достоевского из его квартиры (в Кузнецком пер.) и провожает гроб до ворот Александро-Невской лавры⁵, а в ночь на 3 февраля взволнованно пишет А. С. Суворину:

«Уважаемый Алексей Сергеевич!

Не осудите меня за неодолимое желание написать вам несколько строк по поводу обстоятельства, которое сильно меня огорчило. К удивлению моему, мне сказали, что мне приписывают какую-то заметку о Ф. М. Достоевском, напечатанную в „Петербургской газете“⁶. Я ее не видал и о сю пору не знаю ее содержания, а потому и не обратил на эти слова внимания, но потом пришел Лейкин и сказал, что и вы тоже имеете такую уверенность, которую он, однако, поколебал в вас, назвав вам настоящего автора. Значит, вы считали возможным, что я, написав статью против покойного, потом пришел к нему в дом и шел за его гробом... Это ужасно! Зачем вы сочли меня способным на такую низость? Какой повод я дал для этого всею моею не бесчестною жизнью? (...) О Достоевском я имею свои понятия, может быть, не совсем согласные с вашими (то есть не во всем), но я его уважал и имею тому доказательства. Я бывал в критических обстоятельствах (о которых и вы частью знаете), но у меня никогда не хватило духу напомнить ему о некотором долге, для меня не совсем пустом (весь гонорар за „Леди Макбет“). Вексель этот так и завалился. Я знал, что требование денег его огорчит и встревожит, и не требовал⁷. И вот, едва он умирает, как мне приписывают статью против него...»

И еще немало горьких слов говорит Лесков далее о клевете на него литературной братии, от которой он «много, много страдал»⁸.

Вероятно, под впечатлением преждевременной смерти Достоевского у Лескова в эти дни созревает мысль посвятить памяти покойного писателя недавно задуманную им серию очерков о религиозном движении в фабричной среде.

Работать над этой серией, озаглавленной сначала «Кустарный пророк», Лесков начал еще при жизни Достоевского, получив от главного героя рукопись его записок.

16 октября 1880 г. Лесков писал редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому: «„Кустарный пророк“ будет готов к 20 или 10 ноября», и далее: «Но на работу у меня действительно есть спрос <...> в „Русской речи“ и в „Русь“, с которыми мне удобно, потому что я разделяю их взгляды на интересующие меня вопросы веры и народности <...> Два письма Аксакова очень интересны по его оценке моих скромных работ в вашем „Вестнике“. Ласка идет до того, что и говорить застенчиво, а гонорар предоставляет самому себе назначить свободною рукой, лишь бы были „праведники“»⁹.

Общность взглядов на высокие моральные качества, связанные с религиозностью русского человека, и возникшее взаимное расположение вызвали у Лескова желание сотрудничать в газете И. С. Аксакова «Русь» (которая начала выходить 15 ноября 1880 г.).

Однако идейная близость автора с редактором была порой обманчивой. Аксаков не разделял антиклерикализма Лескова. Обличение духовенства, пропитывавшее насквозь сатиру Лескова, Аксакову было не по душе. Предполагая первоначально дать в «Русь» очерк «Дворянский бунт в Добрыньском приходе», Лесков писал Аксакову 17 декабря 1880 г.: «...но боюсь, что вы уж очень за архиереев-то... Стоит ли? <...> Надо бы им открывать очи и „умалить их оную непомерную пыху“»¹⁰.

Очерк же о «Кустарном пророке» вполне соответствовал требованиям Аксакова — «лишь бы были „праведники“». Недаром Лесков так характеризовал свое произведение в письме к Аксакову (11 февраля 1881 г.): «Писано в вашем духе, как сапоги на заказ».

Герой очерка Иван Исаевич говорил в действительности прямо устами самого Достоевского. Еще в детстве Ивана мечтал «о счастии *всечеловеческом* — о безгневности во едином богопознании» (гл. II); 16-ти лет он молил бога о послании «совершителя», способного соединить все религии, к делу, «которое, должно начаться с преславные державы Российские, ибо в том для Ивана не было сомнения, что только через нее может произойти святое дело — объединение всего мира»; он жаждал найти «путь ко всеобщему спасению всего мира через русских людей» (гл. III и IV). Позже Иван Исаевич поставил себе целью — создать «среднюю веру», которая «всех бы обобщила, согласила и всех спасла, сначала русских, а потом через них — все языки» (гл. VI).

Эти рассуждения простого крестьянина соответствовали мыслям Достоевского, выраженным в последнем выпуске «Дневника писателя»:

«Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово <...> Он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*» (XII, 436).

Строки эти напомнил своим читателям и Аксаков, назвав их «пророческими» (в примечании от редактора в газете «Русь») ¹¹.

Первые сведения о «Кустарном пророке» встречаем в письме Лескова к И. С. Аксакову 9 февраля 1881 г. (из Петербурга в Москву) ¹²:

«Работу для вас делаю и почти уже сделал. Это будет очерк социалистического движения среди рабочих петербургских фабрик и заводов. Они сделали удивительную штуку на текст Достоевского „нашему народу можно верить“, — они всё истолковали в смысле евангельского нестяжания и устроили кружок „нестяжателей“. Все, что зарабатывали, то и раздавали „слабым“, а себе „ожидали милости от господ“. Это длится с 1865 года и оставалось никому не известно до тех пор, пока „головщик“ бессребреников сам „пошел заявиться Мизенцову“ ¹³. Тот его слушал и смеялся, а потом послал к митрополиту. Митрополит ¹⁴ и слушать не стал, а „списание“ их о средствах „возвеличить Россию очищением пути грядущему Господу“ (4 тома!) — сдал в архив.

У меня все черновые этого поэтического бреда, который сам по себе интересен, но сердца этих людей „фабричного отребья“ — еще интереснее. Именно „всем можно верить“, — всё способны перетолковать „во славу божию и славу России“. И не забудьте, что ведь все обеспорточнелись до последнего лохмотья!.. И последнее у них обобрала дама, нигилистка, перешедшая в ирвингизм и сотрудничавшая у Цитовича в „Береге“ ¹⁵... Все это курьезно, тепло и вам к масти. Называется это „Кустарный пророк. — Религиозное движение в фабричной среде“. Будет это просто, но

цельно и тепло, и, кажется, может способствовать изменению взгляда на „воспламеняемость безнравственного фабричного элемента“. — Очерк объемом в 2—2¹/₂ листа. Если нужно скоро, и если мне верите, то можете начинать, не ожидая конца, и в таком разе напишите, — я вам тотчас вышлю начало, а потом и конец. Суть дела вы теперь знаете: фабричные — те же русские люди, стоящие доверия, а не „элемент социализма“. Эпиграф взят у Достоевского „можно верить“.

Через два дня — 11 февраля — Лесков продолжает:

«Ожидаю ответа и привета. Первую порцию (на один номер) дал переписывать. 14-го могу выслать. Называется так:

Фабричный пророк

очерк

(из рассказов о трех праведниках)

(Эпиграф) „Нашему народу можно верить, — он стоит доверия“

Ф. Достоевский¹⁶

Отвечайте: все ли переписывать и присылать сразу, — или можно посылать по частям? Писано в вашем духе, как сапоги на заказ. Иного, более подходящего сюжета сейчас изобрести не могу. Рассказ о живом человеке, — *с его согласия*. Он старик, ткач.

Н. Л е с к о в»

Дальнейшие письма Лескова к И. С. Аксакову посвящены той же теме.

13 февраля

«Я получил вчера ваше письмо от 11-го февраля¹⁷, но еще прежде его получения предпринял все, что вы пишете, и как вы думаете. Первая долька переписывается; студентка, занятая этим делом, принесет тетрадку завтра (14); вечером я прочту и еще раз поправлю, а 15 или много что 16-го pošлю вам заказным письмом. — Затем задержки не будет. Делил я, имея в виду все, о чем вы пишете, — т. е. возможную цельность эпизодов; интерес, заостряемый к концу каждого отрывка, и размер, сообразно месту в издании. Это все мы знаем в тонкость; но другое дело *достоинства* рассказа. Вы меня немножко смущаете большими ожиданиями „художественности“... Рассказ будет может быть жив, может быть интересен, — несомненно оригинален и правдив и представит такую группу честнейших чудаков из самого „отребья“, что порою это даже невероятно, но все это развивается свитком, лентою, без апофеоза, даже без „культурно-национальной точки“.

Любителям настоящего, не раскрашенного духа народного это может нравиться, потому что тут все в своем соку, и умность, и темнота, и главное, — вера неодолимая, и стремление непременно обнять и спасти „весь мир“, без всякого о нем понимания. Пророк сам (ткач 60 лет) — это такая доброта и такой мечтатель, что подобного ему нельзя выдумать. Смирен без меры, но везде ведет себя с достоинством, у митрополита и у „генерала Мизенцова“, в славе, и в поношении, в которое он впал, когда разорил „до шпенту“¹⁸ всю „братию“, убедив их „обнищать до совершенства“. И все это в 61—67 годах, когда о них думают, что они социалисты и вот-вот „пойдут грабить“. А они только „поспешали изничтожиться, раздавая имения своя, да освободится дух от стяжания“... И их-то вот не заметили ни народники, „ходебчики в народ“, ни полиция... „Генерал Мизенцов“, по крайней мере, хоть поговорил с ними, а Исидор и говорить не стал, а только „тонким глазом провещал: ступайте себе, — мне некогда“. Пророк теперь уже очевидно в умственном ослаблении, но все-таки прекрасен душою, но с ним есть „друг и его молодой брат“ Андрей Тимофеев, чернорабочий Казенного патронного завода, — это умница и энтузиаст веры. Оценки его „пророку“ удивительны. Он весело вспоминает, как тот, их, „любя, всех изничтожил“, и сам подсмеивается, как они Христа ночью ждали в смертных рубашках, но потом вдруг одухотворяется и говорит:

— А за то жили-то, жили в какой чистоте! А он-то, он (т. е. пророк) — фрустальный старичек — сколь чист, сколь мужествен и преподобен!

Иллюстрированный Миръ

ИЗДАНИЕ 1881 Г.

№ 6. Выходит 1 раз въ мѣсяцъ. Цена за полугодіе 1 рубль. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ.

РЕДАКЦИЯ И ПЕЧАТНИЦА ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО МІРА. ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 6. Выходит 1 раз въ мѣсяцъ. Цена за полугодіе 1 рубль. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ.

ИЗДАНИЕ 1881 Г.

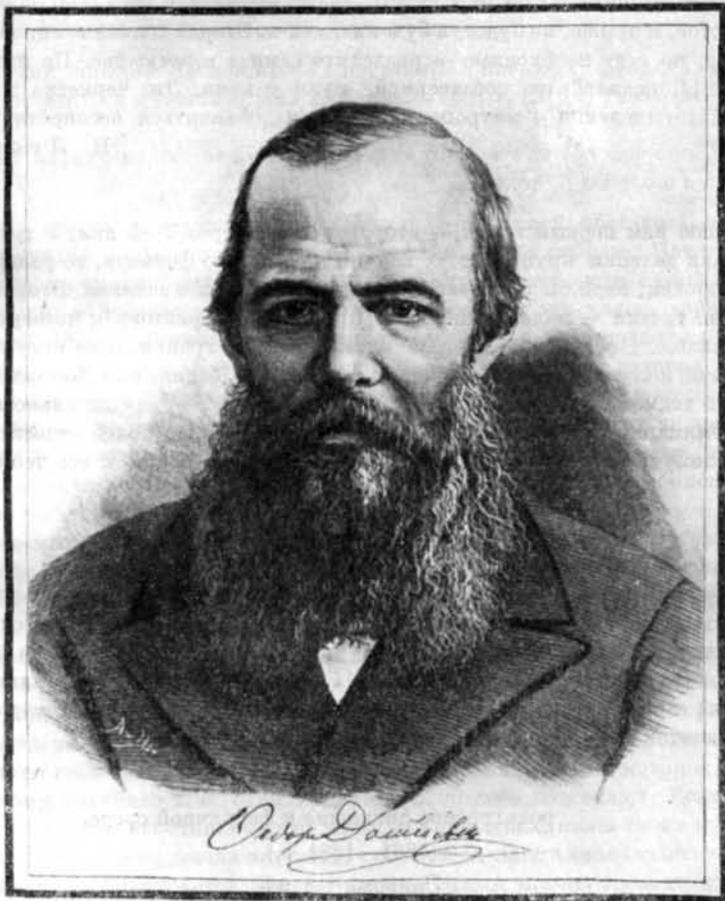
№ 6. Выходит 1 раз въ мѣсяцъ. Цена за полугодіе 1 рубль. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ. За доставку по почте прибавить 20 копѣекъ.

№ 6.

С.-Петербургъ, в 4-мъ числѣ 1881 г.

ГОДЪ III.

При этомъ номерѣ прилагается № 2. Новѣйшихъ Парикмахскихъ Модъ на волосы.

№ 2. Новѣйшихъ Парикмахскихъ Модъ на волосы. (Изъ фотографіи К. А. Шапиро. Шпатель гравир. въ иллюстрир. «Иллюстр. Миръ»)

ДОСТОЕВСКИЙ

Гравюра с фотографии К. А. Шапиро, Петербург, 1879

«Иллюстрированный мир», 1881, № 6, 8 февраля

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Берет его обеими руками за уши ладонями, целует в темя и рекой разливается, плачет от восторга. А „фрустальный“ допивает стаканчик чаю, оборачивает его вверх донышком, обсасывает сахарок и смиренно говорит:

— Я вострубел глас божий, а теперь — как угодно.

К довершению прелести и цельности его завели к ирвингианам в дом Шувалова и дама, сотрудница Цитовича, *обобра*ла этого нищего, воспользовавшись тем, что его честности благочестивое купечество верит, она заставила его принести фаю на платье и потом от него скрылась... Никто на него не посягнул, — народ ему позволил себя „изничтожить“, а эта с нищего суму сняла!.. Словом — эта кучка есть практический ответ на профетские ¹⁹ вещания покойного Достоевского, и я думаю: не посвятить ли рассказ его памяти?.. Как вы думаете? Я предоставляю это вашему усмотрению и спорить и прекословить не буду. Если по-вашему это хорошо, — допишите! „посв. памяти Фед. М. Достоевского“.

2¹/₂ листов, я думаю, не будет, а будет *около* 2-х. Вторая долька великовата и делить ее неудобно, но если необходимо — разделите сами *в корректуре*. По напечатанному это виднее. „Списание“ их собственной руки у меня. Это чернетка того, что они подали в III Отделение и митрополиту, желая „объявиться несопротивными“.

Н. Л е с к о в

17 февраля

«Посылаю вам первый кусок, — второй вышлю через 2—3 дня; а третий — через неделю. Если деления крупны, т. е. велики для вашего формата, то раздробите сами. Первый, впрочем, надо бы поместить как есть, чтобы была завязка. Второй будет этой же меры, но третий — маленький (одно „пришествие Христово“); четвертый и пятый тоже небольшие. Но, не зная, сколько влезает в ваши гранки, я не могу примениться и делю два по полулисту, и три — около ¹/₃ листа. — Посвящения Достоевскому не хочу. Столько толков и от таких истолкователей, что мне это решительно претит. Эпиграф и упоминание о нем в первых строках — это гораздо более относится к делу и гораздо целомудреннее. Вся эта историйка есть *иллюстрация* к его теориям.

Н. Л.»

19 февраля

«Уважаемый Иван Сергеевич!

Позавчера я послал вам начало очерка, а сегодня спешу вдогонку просить вас о поправке *в заглавии*. Разговаривая с этими антиками, я услышал от них слово, которое гораздо полнее и всестороннее, — вообще лучше выражает то, что должна представлять их религиозная эпопея: они *обнищеванцы*!.. Усердно вас прошу заглавную надпись „Фабричный пророк — из рассказов о трех праведниках“ — *зачеркнуть*, а вместо этого поставить:

Обнищеванцы

религиозное движение в фабричной среде.

(1861—1881 г.)

Эпиграф тот же.

Ваш слуга Н. Лесков

P. S. Продолжение через два дня».

22 февраля

«Я очень рад и счастлив, если мне удастся угодить вам. Вещь это тихая, но верная, бытовая, не вымышленная и потому для вдумчивого читателя должна иметь интерес. Чудаки, но чудачки теплые и живые. Серьезное и детское у них так мешается, что не разберешь. Пусть другие разбирают, а мне впору записать. Происшествие — совершенно напоминающее нравы петровской эпохи, как видим в розыскных делах XVIII столетия, напр., у Есипова ²⁰, и между тем это было *сейчас*!..

Посылаю вам продолжение с усиленным дроблением. Здесь имеется на четыре номера. Это немножко вредит впечатлению, затягивая перелом повествования, ну да

иначе вам будет неудобно по объему. Еще, полагаю, будет номера на три. Написано все и переписывается, но я люблю переделывать еще по переписанному.

За намерение сказать что-то от себя очень благодарю: вы хорошо говорите ²¹,

Медицинская студентка (3 курса), добрая девушка, которая это переписывала, — при последних главах, когда ждут Христа, чтобы идти „с царем на теменах“, — растрогалась и сказала:

— Как жаль, что наши этого не будут читать! Это бы им показало их ошибки.

Я сказал, что я вам передам ее слова. Они бедны, — им все дарят газеты и журналы. адресуя: в *Николаевский военный госпиталь, читальне женских врачебных курсов.*

Мне думается, что ваше слово, может быть, запало бы в иные души, которые, право, не так жестки, как о них говорят.

Ваш слуга Н. Л е с к о в

Окончание получите недели через две. Пусть у меня уляжется. — Заглавие перечкните сами, — я не знаю, какое из двух лучше».

С заглавием, которое Лесков просил поставить в письме 19 февраля, «Обнищеванцы» начали печататься в газете «Русь» 28 февраля 1881 г. (№ 16) ²². Очеркам сопутствовал эпиграф:

«Нашему народу можно верить, — он сто́ит того, чтобы ему верили».

Федор Д о с т о е в с к и й

«Я очень счастлив, — так начинал Лесков, — что могу поставить эпиграфом к настоящему очерку приведенные слова недавно почившего собрата. Почет, оказанный Достоевскому, несомненно, свидетельствует, что ему верили люди самых разнообразных положений, а Достоевский уверял, что „нашему народу можно верить“. Покойник утверждал это с задушевною искренностью и не делал исключения ни для каких подразделений народной массы. По его мнению, *есть народ сто́ит доверия*,

В этом иные видят ошибку. Я не говорю о тех, которые отрицают добрую доблесть всего народа, но разумею тех, кои сортируют его и разделяют на худшее и лучшее. У таких в ассортименте оказывается народ пахатный и в отбросе промысловый и особенно фабричный. Последним будто бы нельзя оказывать того же доверия, какое можно дать рыбакам и ниварям.

Упомянутый отброс, однако, очень серьезен по своей многочисленности: в нем состоят все фабричные и заводские люди, все ремесленники и кустари, настоящее исчисление которых упорно убегает от всех забот статистических комитетов, но вообще этих людей очень много и притом, — как иные уверяют, — это самый „воспламенимый элемент“, которым в каждую минуту легко может воспользоваться „злая воля“.

Напрасно скрывать, что как специально злая, так и специально добрая воля такой взгляд разделяют; и если первая стремится сделать сюда подсыл, то вторая заботится „о предупреждении и пресечении“. Очевидно, что исполнители злой воли и слуги воли доброй считают себя здесь у самого центра опасного положения, которое они направляют как кому надобно, т. е. одни поднимают, другие отсекают. Если „подсылу“ удастся растолковать работникам, что их задельная плата ниже стоимости труда, то „пресечению“ тотчас же удастся внушить, что такие желания непозволительны, и фабричный „элемент“ успокаивается. Иначе был бы бунт. А потому здесь то доверие, о котором в последние дни много говорили со слов покойного Достоевского, — невозможно или, по крайней мере, — очень опасно.

Я думаю, что все это большая неправда, и она накликается на наш фабричный народ ложными представлениями о нем фальшивой литературной школы, которая около двадцати лет кряду облыжно рядит нашего фабричного рабочего в шутовской колпак революционного скомороха. Народ, работающий на фабриках и заводах, в смысле заслуженности доверия, это — все тот же русский народ, стоящий полного доверия, и Достоевский, не сделавши исключения для фабричных, не погрешил против истины».

Лесков воспользовался эпизодами с «обнищеванцами», чтобы еще раз выразить свою любовь к русскому народу и веру в его великое предназначение. Однако эта вера, как и у Достоевского, была связана с активным неприятием идей социализма и полным непониманием роли пролетариата в будущем России. Вся эта история, — писал Лес-

ков, — «не свидетельствует же о „растленном и безнравственном элементе“, каким любят представлять русского фабричного. О, нет, и сто раз нет! Это тот же самый цельный русский народ, с его восхитительным стремлением к добру и к вечности...» (гл. XVI).

Писатель несправедливо низко расценивал свой очерк «Обнищеванцы» с художественной стороны.

Лесков был требователен к себе и любил, как он выражался, переписывать все «*доль*» и «*втоперек*»²³. «Я, ведь, ужасный козун и все должен себя выправлять да разглаживать», — признавался он В. А. Гольцеву²⁴.

«Обнищеванцы» не принадлежат, конечно, к лесковским шедеврам, не выделяются они и среди его очерков. Желание рассказать поскорее историю событий наложило на них отпечаток некоторой стилистической небрежности, но встречаются здесь и лесковский юмор, и сатирические нотки, и порой лиризм.

В письме к Аксакову 13 февраля Лесков, как мы видели, выражал беспокойство о том, что его корреспондент ожидает от очерка большой «художественности». 12 мая он писал ему же, благодаря за щедрый гонорар: «...что касается достоинств рассказа, то я нахожусь не на вашей стороне, а на стороне тех, кому он *не* нравится. По крайней мере, я им вполне *недоволен* и даже зол за него на вас. На горе или на радость мою я имею досадливую впечатлительность, с которою не могу совладеть, а вы мне натрубили в уши такого пуризма, что мне невозможно писать *для вас*. Чтобы дать вам что-либо живое, я должен взять из того, что заготовлялось не собственно для вас, а *на волю*, или даже для кого-нибудь другого, — и я так и должен поступить „теперь или никогда“. Я не могу быть спокоен, что бы у ваших читателей было понятие обо мне по напечатанному у вас *неудачнейшему* моему рассказу; это мне непереносимо, но исправить этого я *не* могу, потому что что бы я ни стал писать *для вас* — вы у меня опять будете „перед очами души“ и все будете мне застывать на живую пластику»²⁵.

Приблизительно через год после «Обнищеванцев» в заметке «Богословы и неодонословы», предназначавшейся для «Петербургской газеты», Лесков снова вспоминает Достоевского и Аксакова и их восприятие русского народа.

В «Церковно-общественном вестнике» 1 мая 1882 г. была опубликована проповедь, в которой говорилось, что праздники лучше проводить в Англии, ибо в России «под праздники» любят предаваться разгулу. Лесков пишет: «Верно это или неверно? Может быть, и неверно, потому что до сих пор еще наши люди *под праздники* больше всего *ходят в баню*, — а это нельзя считать за разгул и за „место развлеченья“; но во всяком случае посылка русских для научения благочестию в чужие края — совсем противоречит тому, как представляет дело г. Аксаков и как представлял его покойный Достоевский»²⁶.

Проходя еще год, и мысли Лескова снова обращаются к Достоевскому. На этот раз поводом послужил выход в свет книги К. Н. Леонтьева «*Нши новизе христиане*» (М., 1882). С позиций ортодоксального православия Леонтьев обвинял Достоевского и Льва Толстого... в ереси. Главная ересь обоих писателей, по мнению Леонтьева, заключалась в том, что они проповедовали «одностороннее», «сентиментально», или розовое» христианство.

Глубоко возмущенный Лесков разразился резкой отповедью в двух статьях, напечатанных под общим заглавием «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, как ересиархи. (Религия страха и религия любви)» в начале апреля 1883 г. «Религия страха» — это мировоззрение Леонтьева, пугающего «концом мира» и оскудением человечности; «религия любви» — христианство Достоевского, Толстого и, несомненно, самого Лескова.

«Достоевский уже мертв и ничего не ответит...» — писал Лесков в начале первой статьи. Ответ от имени покойного он как бы взял на себя (Лесков не мог знать, что Достоевский сам собирался отвечать Леонтьеву на критику речи о Пушкине. Записные тетради писателя со строками об этом были опубликованы в том же 1883 г., но несколько позже).

Объектом яростного нападения Леонтьева послужила речь Достоевского на Пушкинском празднике 8 июня 1880 г. и в особенности выраженная в ней мысль — назначение «русского человека есть бесспорно всевропейское и всемирное». «В этих, бог

весть, насколько быточных, но очень добродушных и вполне невинных мечтаниях покойного Достоевского о будущем блаженстве всех народов, благодаря примирительному участию русского „всечеловека“, г. К. Леонтьев усмотрел, по крайней мере, две ереси», — писал Лесков.

Вторая «ересь» — любовь Достоевского ко всему человечеству, которую не мог понять Леонтьев, полный вражды к европейцам.

Лесков возражал: «...чувство общечеловеческой любви, внушаемое речью Достоевского, есть чувство хорошее, которое, так или иначе, стремилось увеличить сумму добра в общем обороте человеческих отношений. А это, бесспорно, — честно и полезно». «...Кто ближе к христианству, — спрашивает Лесков, — Достоевский ли с его космополитической любовью, или г. Леонтьев и единомышленные ему с их ортодоксальной ненавистью? Что же касается лично нас, то голос совести велит нам стоять на стороне Достоевского...»; «...обвинение в ереси построено на основаниях несостоятельных и ложных», — так заканчивает Лесков первую статью. В заключение он делает особую сноску:

«Пишущий эти строки знал лично Ф. М. Достоевского и имел неоднократно поводы заключать, что этому даровитейшему человеку, страстно любившему касаться вопросов веры, в значительной степени не доставало начитанности в духовной литературе, с которою он начал свое знакомство в довольно поздние годы жизни, и по кипучей страстности своих симпатий не находил в себе спокойности для внимательного и беспристрастного ее изучения»²⁷.

Любопытно сопоставить с этими словами слегка ироническую характеристику Лескова в записной книжке Достоевского конца 1880 г.: «Лесков. Специалист и эксперт в православии»²⁸. Так оно и было в действительности. Однако, прекрасно зная историю русской церкви и все ее обряды, Лесков, в противоположность Достоевскому, ненавидел «церковную пошлость»²⁹. «...я почитаю христианство как учение и знаю, что в нем спасение жизни, — а все остальное мне не нужно», — писал он 11 марта 1887 г. Суворину³⁰.

2

Достоевского и Лескова разделяло также отношение к правительству и официальной религии. Лесков никогда не предполагал возможного слияния русского народа со «своим царем воедино» (XII, 438—439). В «Обнищеванцах» в виде исключения встречаются хвалебные строки по адресу Александра II, но эта похвала касается лишь отмены крепостного права.

Не принимая революционного движения тех лет, Лесков также не принимал и гонителей движения. Вот что писал он в «Обнищеванцах»: «Это делалось, как сказано, в начале шестидесятых годов, т. е. в то самое время, к которому относится самый сильный разгар нигилизма и усиленные попытки хождения в народ для пропаганды социалистических учений среди фабричных рабочих. Их считали готовыми к этим идеям нигилисты и правительство <...> Пусть хоть теперь, в это сравнительно позднее время, все видят, как „беспокойное фабричное отребье“ на усилия социалистической пропаганды отвечало страстным порывом к евангельскому совершенству <...> Это стоит отметить тем более, что этого только и не отметили ни возбудители социалистических движений, ни их предупредители и пресекатели. Ни одним, ни другим не нужна была истина, — и тем, и другим нужна была ложь, и они ее добывали в изобилии для вящего себя ослепления» (гл. XII).

А в 1883 г. Лесков примерно то же повторял в письмах к С. Н. Шубинскому: Божь, что ее <Россию> можно совсем возненавидеть со всеми ее нигилистами и охранителями. Нет ни умов, ни характеров и ни тени достоинства...»; «Родину-то ведь любил, желал ее видеть ближе к добру, к свету познания и к правде, а вместо того — либо поганое нигилистничество, либо пошное пячение назад, „домой“, то есть в допетровскую дурость и кривду»³¹.

Здесь уместно напомнить об отношении Достоевского к Петру I. Неприязнь к деятельности Петра, якобы «с корнем» вырванного русскую культуру и поставившего

между властью и народом «лжеподобие» европейской цивилизации, прошла через всю публицистику Достоевского. Вероятно, эту точку зрения, а также монархическую утопию Достоевского последних лет и имел в виду Лесков, говоря о путанице и «попытном движении» в своем итоговом высказывании о «покойном собрании». 27 мая 1893 г. Лесков писал критику М. О. Меньшикову:

«Мне лично вы приносите огромное утешение, потому что я любил правду и независимость, и вижу человека, который любит то же самое и отлично умеет разобраться в сплетениях, в которых мы (по новости дела) часто пугались, а иные и совсем запутались (например Писемский, Достоевский, Всеволод Крестовский и еще кое-кто). Поступали по пословице: „Осердясь на вошь — кожух в печь“ <...>. Но если бы Ф. М. Достоевский пережил событие, случившееся вскоре после его смерти³², то этот в своем попытном движении был бы *злее* и наделал бы огромный вред по своему значению на умы, покорные авторитету и несостоятельные в понимании „веяний“³³.

Изображая «праведников», Лесков смотрел трезвее Достоевского на душевные свойства русского крестьянина. В некоторых случаях он даже проницательно воспринимал преклонение Достоевского перед «народом-богоносцем», у которого следует учиться.

В «Товарищеских воспоминаниях о П. И. Якушкине» (1884 г.), рассуждая о том, что было бы, если бы Якушкин не умер так рано, Лесков пишет:

«Одно могло его удивить; что те самые его народнические принципы, за которые его осмеивали „чистые литераторы“ *белой кости*, — теперь приняли они же сами, и притом с таким рабским подражанием Якушкину, что прямо посылают воспитанных людей „учиться у мужиков“. Резоны Якушкина, значит, свое взяли...

Довольно трудно сказать, в какой бы теперь компании очутился Якушкин? Судьба сдвинула с места светоч его жизни ранее, чем настало время для таких смятений, и тем избавила его от выбора, который, кажется, несколько затруднял Достоевского»³⁴.

В статье 1886 года «О куфельном мужике и проч.», напечатанной тогда же, Лесков выступил на защиту от критиков своего любимого писателя, Льва Толстого, которого он всегда предпочитал Достоевскому. Здесь Лесков снова коснулся высокой нравственности русского человека, и, как всегда, обходя его свободолюбивые чаяния. Несколько страниц он посвятил воспоминаниям о встречах с Достоевским в зиму 1875/76 г. (у вдовы А. К. Толстого):

«...впервые <Достоевский> и провещал нам о „куфельном мужике“, о котором до той поры в светских салонах не упоминалось <...> Для многих это затрапезное лицо было полно сначала непонятого, но обидного или по крайней мере укоризненного значения, а потом для иных оно стало даже признаком угрожающего характера.

Это так сделал или приуготовил Достоевский».

Живо изобразил Лесков разговоры и советы Достоевского светским дамам:

«Ступайте же к вашему *куфельному мужику* — он вас научит!

(Вероятно, желая подражать произношению прислуги, Достоевский именно выговорил „куфельному“, а не кухонному.)

<...> ступайте к куфельному мужику.

— Чему же он меня научит?

— Он? Он вас научит *всему!* — пояснил Достоевский.

— Чему? чему это всему? — добивалась дама.

— Жить и умереть, — молвил Достоевский».

Далее, говоря о Б. М. Маркевиче, который повторял эти слова Достоевского, Лесков пишет:

«...оба они унесли тайну учительного значения куфельного мужика с собою в могилу, а светские люди остались в недоумении, и, отчасти, в некотором страхе. И вдруг кого-то осенила мысль, что куфельный мужик — это „указание предосторожности“ <...> Но являлись люди спокойного ума и уверяли, что его в комнаты не пустят, — он все будет на кухне.

И как раз — вдруг все случилось иначе! Чего не допускали и чего не опасались, это-то и случилось. Чем Ф. М. Достоевский, как чуждый пришлец в большом свете, только пугал, то граф Л. Н. Толстой сделал. Как свой человек, зная все входы и выходы в доме, он пропустил и ввел кухонного мужика в апартаменты <...> Иван Ильич,

РОМАН
«БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»
Обложка издания на греческом
языке (Афины, б. г.)

оставленный всеми и сделавшийся в тягость даже самым близким родным, нашел истинные, в простонародном духе, сострадание и помощь в одном своем *куфельном* мужике. Таким образом, пришел этот предвозвещенный Достоевским мужик, не принеся с собой ни топора, ни ножа, — он привнес одно простое доброе сердце <...> Граф Л. Н. Толстой своим рассказом о смерти Ивана Ильича ответил на вопрос: чему может научить *куфельный* мужик, — и ответил превосходно <...> Но этому ли *куфельный* мужик должен был научать по программе Достоевского <...> это остается открытым вопросом, который гр. Толстой разрешил в своем вкусе, — может быть, совсем иначе, чем тот, кто его поставил. По огромному и несогласному разномыслию, которое граф Л. Н. твердо и решительно выражает против учительства Достоевского, следует думать, что толстовский *кухонный* мужик научает, может быть, совсем не тому, чему должен бы научить *куфельный* мужик, как представлял себе Достоевский»³⁵.

В письме к А. С. Суворину 24 января 1887 г. Лесков так объяснял причину появления своей статьи не в «Новом времени»:

«„О *куфельном* мужике“ <...> пришлось печатать в „Новостях“, потому что у вас не удалось бы рассказать правды о Достоевском. Я уже привык слоняться, где бы только просунуть то, что считаю честным и полезным»³⁶.

В данном случае Лесков не ошибался. «Новое время» в 1880 г. защищало Достоевского от нападок «Вестника Европы»³⁷. Несколько ироническое изображение его в великосветских салонах Суворин, вероятно, не пропустил бы в своем органе.

Еще раз вернулся Лесков к этой теме в не изданном до сих пор очерке начала 1891 г. «Неоцененные, услуги. Отрывки из воспоминаний». Говоря об авантюристе Ашинове и его красном словце — «Шерше ля хам», Лесков вспоминает:

«Признаюсь, мне когда-то доставляло не малое наслаждение слушать рассказы о том, как Достоевский в доме поэта Толстого гнал молодую барышню и образованных людей на кухню — „учиться к *кухонному* мужику“. Его не послушали: барышня

У—кова предложила ему самому пойти и поучиться у куховного мужика вежливости. Вот это самое сподручное „перше ля хам!“³⁸.

И, наконец, находим еще упоминание имени Достоевского в неизданных рукописях Лескова. Оно относится к 1887 г. В начале незаконченного «рассказа кстати» «Московское привидение» он пишет:

«Давно и бесспорно признана сила таланта, преодолевающая самую усердную и кропотливую работу разума. Писано об этом много, доказательно и понятно. Литература об этом большая, но в последние дней наших ее еще раз коснулся талантливый человек и оживил ее новым прикладом. Я говорю о покойном Достоевском, у которого на сей предмет вытекло такое сравнение: лежит где-то куча глины. Все ходят мимо и видят — глина, куча, безобразие. Кто-нибудь ступит ногою, и куча делается еще безобразнее. Но вот подходит мальчик, в котором есть та творческая искра, которая называется дарованием или талантом. Он присел к глине, послюбил пальцы и начал лепить... Бог его знает, что он такое вертит... Сначала долго ничего не заметно, но вот все взглянули и с удивлением воскликнули: „Глядите! — это морда!“

И с той поры это уже не „куча“, а это „морда“.

Такой оборот дело восприняло от прикосновения к нему даровитой руки»³⁹.

До конца дней сохранял Лесков теплое воспоминание об эпизодическом сотрудничестве в «Эпохе» в начале своего литературного пути. 12 апреля 1888 г. он писал Суворину по поводу хорошего приема последним новеллы «Прекрасная Аза»:

«... такое сочувствие редактора и мне нужно и дорого, — даже очень дорого. Это напоминает отношение Достоевского при печатании „Леди Макбет“ ...»⁴⁰

Как видим, мысли о Достоевском упорно сопровождали Лескова. Чем это можно объяснить? Не ощущал ли Лесков сходство в их положении в литературе и общественной жизни? Ни тот, ни другой не были полностью приняты и поняты ни реакционными кругами общества, ни тем более приверженцами социалистического учения.

На основании вышеприведенных материалов можно сделать определенный вывод: в идейных и творческих взаимоотношениях Лескова и Достоевского влечение друг к другу сменялось отталкиванием, понимание — отчуждением, симпатия — антипатией. Одного лишь никогда не было — равнодушия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В бумагах Лескова сохранился черновик одной неизданной заметки 1884 г., связанной с именем Достоевского и «Новым временем»⁴¹. Она предназначалась, вероятно, для «Петербургской газеты» или «Новостей», но не была напечатана из-за явной политической цензуры.

Приводим ее текст:

ГАЗЕТНОЕ МЕЛЕВО

Опять на чеку любопытный литературный спор, в котором «Новое время» в два дня кряду перевернулось на оба бока.

Началось с того, что в последнем политическом процессе в числе обвиненных был один штаб-офицер⁴². «Московские ведомости» сделали по этому случаю обобщение, — что порча коснулась уже армии. «Новое время» (имея склонность находить прекрасным все, что скажут «Московские ведомости») сейчас же отметили и подчеркнули упомянутые соображения, а чтобы и самим не черпать все из чужого колодца, пошли доставать из своего запасного поставца кое-что «вчерашее» и подогревать. Из вчерашней провизии у них более всего в запасе премудрость Достоевского. Сейчас они хвятили от нее кусок, подогрели и 17 октября подали публике «хронику» с рассуждением, что все наговариваемое на армию для них и не дивно; — что этого даже надо было ожидать, что глубокие умы это и предусмотрели, и предсказали... Вот, например, Достоевский, — он это «предсказал». — Где? — А в «Бесах». Их надо ввести как учебный предмет и делать экзамены из «Бесов». За это «губернаторы и вообще начальст-

вующие были бы благодарны, ибо многие из них никогда не читали „Бесов“, избегая скуки, хотя читали Щедрина...».

Ново-временский хроникер напоен настоящим духом: он тотчас* «вспомнил о „Бесах“, прочитав статью „Московских ведомостей“ о последнем политическом процессе. Они справедливо ужасаются тому, что пропаганда коснулась армии, они считают это явление новым⁴³. Увы, это не ново. Уже процесс Суханова⁴⁴ доказал, что это участие явление не новое. А Достоевский предсказал это в „Бесах“, в 1871 году, то есть тринадцать лет тому назад. Главный организатор, Петр Верховенский, имеет у себя преданного исполнителя „офицера Эркеля“. „Эркель был такой „дурачок“, у которого только главного толку не было в голове, царя в голове; но маленького подчиненного толку у него было довольно, даже до хитрости. Фанатически, младенчески преданный „общему делу“, а в сущности Петру Верховенскому, он действовал по его инструкции... Исполнительная часть быть потребностью этой мелкой, малорассудочной, вечно жаждущей подчинения чужой воле натуры, — о, конечно, не иначе как ради „общего“ или „великого“ дела. Но это было все равно, ибо маленькие фанатики, подобные Эркелю, никак не могут понять служения идее иначе, как слив ее с самим лицом, по их понятиям, выражающим эту идею. Чувствительный, ласковый, добрый Эркель, быть может, был самым бесчувственным из убийц, собравшихся на Шатова. .»

«Вот что говорил Достоевский об этом „офицере“ в то время еще, когда военный элемент совсем отсутствовал в политических процессах. С того времени много воды утекло и Эркель мог вырасти и до полковника, который фигурирует в процессе тоже с немецкой фамилией».

«Вечная история: художнику, знающему человеческую душу, гораздо меньше верят, чем канцелярской записке, чем узкому взгляду какого-нибудь секретаря канцелярии...»

Очевидно требовалось, чтобы уже «тринадцать лет назад», — с тех пор, как Достоевский «предсказал», — сейчас и братья, а не верить какой-то «записке»... А теперь уже — «с того времени много воды утекло и Эркель мог вырасти до полковника».

17 октября все читали это в 3103 № «Нового времени» и иные думали:

— Эки дошлые! — все раскопают... Так оно и есть... Достоевский все предсказывал... Его надо было слушать.

Но между 17 и 18-м октября над Петербургом пронеслась ночь, — очень холодная, ветреная ночь, гнавшая воду встреч. Облака летели шибко, то открывая луну, то затеняя ее слева. С брандвахты производились выстрелы, возвещавшие, что вода быстро идет выше линии... Обитатели низких подвалов не гасили своих грошовых свечек, а на Итальянской⁴⁵ в редакции «Нового времени»... переставляли мельницу... С мелкой крупчатки жернов поставили на крупный раструс, и 18 октября в № 3104 подадут такой перемол:

«Опасные обобщения» — «Заметка „Московских ведомостей“ об участии офицеров в преступлениях нигилистической крамолы наводит на серьезные размышления. Мы никогда не позволяли себе забывать ту осторожность, которая необходима при распространении преступления одного лица на всю корпорацию».

И нововременцы начинают упрекать «Московские ведомости» что те «делают историческую ошибку». Нововременцы <начинают> припоминать им Лаврова⁴⁶, Дубровина⁴⁷, Суханова и других, включительно до Арнольда, Сливицкого и Сахновского⁴⁸, вины которых относятся еще к 1863 <!> году. «Вчерашнее» у нововременцев не пошло дальше этого, а кажется могло бы идти не только до 1825 года⁴⁹, но и до «смутного времени», когда «вожди перебегали из лагеря в лагерь к тушинскому вору». И это не было предречено Достоевским... Но все это ушло мимо памяти и даже мимо желания нововременцев как-нибудь согласить то, что вчера еще ими наговорено под впечатлением «Бесов», из которых «надо экзакменовать» губернаторов, читающих Щедрина... «Всего более надо бояться обобщений», — пишет 18 октября «Новое время». — Это «соображения, которые мы считаем полезным напомнить „Московским ведомостям“. — От грошовой свечки Москва горела... Так эти вертуны дошли и до «грошовой свеч-

* «вспомнил ∞ канцелярии...» — газетная вырезка, вклеенная в текст статьи.

ки», которую они сами никогда не зажигают, потому что «никогда не позволяют себе забывать осторожность», — а вот «Московские ведомости», те де опасно ходят с «грошовой свечкой».

По газетным обычаям такие выхилисы и выкрутасы называются *полюемкою*, и иногда извиняются будто ее требованиями, но простой, с здравым смыслом человек, послушав это пустомельство, пожалуй, сказал бы:

— «Эх ты, мелево, мелево! — вразуми, ты себя хоть отселева!»

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Андрей Л е с к о в. Жизнь Николая Лескова. М., 1954, стр. 290—293.

² В. В. В и н о г р а д о в. Достоевский и Лесков в 70-е годы XIX века. — В его кн.: «Проблема авторства и теория стилей». М., 1961, стр. 487—555 (впервые: журн. «Русская литература», 1961, № 1, стр. 63—84; № 2, стр. 66—97).

³ Там же, стр. 487.

⁴ Хотя В. В. Виноградов и указал в заглавии своей статьи «в 70-е годы XIX века», на самом деле он охватил материал гораздо шире, вплоть до 1890-х годов*.

Сравнительно недавно И. В. Столярова доказала принадлежность Лескову анонимного обозрения (в «Вечерней газете», 1869, 1 января), посвященного разбору еще незаконченного романа «Идиот» («Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та», серия филолог. наук, вып. 72, 1968, стр. 224—229). Эта рецензия также построена на противоречивой оценке Лесковым творчества Достоевского.

⁵ Об этих проводах Лесков вспоминает в очерке «По поводу „Крейцеровой сонаты“ в 1890 г. (Н. С. Л е с к о в. Собрание сочинений, т. IX. М., 1958, стр. 32. — В дальнейшем сокращенно: Собр. соч.)

В повести «Интересные мужчины», гл. 14 (1885 г.) Лесков назвал похороны Достоевского «событием в истории» (Собр. соч., т. VIII, стр. 95).

⁶ Речь идет об анонимном некрологе Достоевского, помещенном в «Петербургской газете» 30 января 1881 г., № 25. Автор его до сих пор не известен.

⁷ Рассказ Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» был впервые опубликован в журнале Достоевского «Эпоха», 1865, № 1. Гонорара за нее, видимо, в связи с финансовыми затруднениями редакции, Лесков не получил.

20 мая 1867 г. он писал Е. П. Ковалевскому: «Векселя своего на г. Достоевского я не представляю, потому что литератор этот нынче, как говорят, сам в затруднительных обстоятельствах...» (Собр. соч., т. X, стр. 266).

⁸ Собр. соч., т. XI, стр. 249—251.

⁹ Там же, т. X, стр. 472—473. Известно лишь одно из упомянутых писем Аксакова к Лескову, 10 октября 1880 г. («Исторический вестник», 1916, № 3, стр. 792—793). На подлиннике помета Лескова: «80 (начало сближения)». — ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 193.

¹⁰ Собр. соч., т. X, стр. 475.

¹¹ «Русь», 1881, № 16, стр. 22, сноски.

¹² Письма Лескова к И. С. Аксакову хранятся в ИРЛИ (ф. 3, оп. 4, ед. хр. 337). Несколько строк из писем 9, 13 и 17 февраля неточно процитированы в кн. М. С. Горячкиной «Сатира Лескова». М., 1963, стр. 112, 113. Одна фраза из письма 19 февраля — в кн.: В. А. Г е б е л ь. Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 169.

¹³ Николай Владимирович Мезенцев (1827—1878) — щef жандармов и начальник III Отделения; убит 4 августа 1878 г. С. М. Степняком-Кравчинским.

¹⁴ Исидор, митрополит Новгородский и С.-Петербургский (Яков Сергеевич Никольский; 1799—1892). Свидание главы «обнищеванцев», Ивана Исаевича, с Мезенцевым и с Исидором подробно описано Лесковым в XXIV гл. очерка.

¹⁵ О посещении Иваном Исаевичем заинтересовавшихся им членов петербургской «апостольской общины» ирвингиан и о неблагоприятном поступке «апостольской сестры», сотрудницы «Берега», Лесков написал в XXV главе «Обнищеванцев».

¹⁶ Слова, взятые эпитафией, Лесков или процитировал по памяти, или, вернее, изменил для большей выразительности. Достоевский пишет в последнем выпуске «Дневника писателя» (январь 1881 г., глава первая):

«Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его» (XII, 438).

¹⁷ Это письмо Аксакова к Лескову не дошло до нас.

* В то время, когда настоящий том находился в производстве, вышла статья Е. М. Пульхридовой «Достоевский и Лесков. (К истории творческих взаимоотношений)». — В сб.: «Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство». М., 1971, стр. 87—138. — Эта обстоятельная статья построена исключительно на изданных материалах.

¹⁸ Шпент — «шип, пустышка, ничего» — калужское выражение (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. СПб. — М., 1909, стб. 1466).

¹⁹ *профетские* — пророческие (от франц. слова *prophète* — пророк).

²⁰ Лесков имеет в виду труд Г. В. Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии». СПб., 1861—1863.

²¹ К заглавию «Обнищеванцы» (в № 16 «Руси») Аксаков сделал примечание: «Читатели, конечно, оценят как литературное достоинство этого очерка, так и глубину и красоту содержания. Здесь нет ничего вымышленного, все истина». Далее была упомянутая выше сноска Аксакова о «Дневнике писателя».

²² Продолжение очерков печаталось в «Руси», №№ 17—21, 24, 25 (с 7 марта по 2 мая 1881 г.). Лесков поместил «Обнищеванцев» также в своем сборнике «Русская рознь», вышедшем в свет в Петербурге в мае того же года. С тех пор они нигде не перепечатывались.

На «Обнищеванцев» не обращали внимания исследователи творчества Лескова. О них упоминали между прочим только Л. П. Гроссман («Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика». М., 1945, стр. 7) и М. С. Горячкина («Сатира Лескова», стр. 112—113).

²³ Письмо к С. Н. Шубинскому 16 октября 1880 г. (Собр. соч., т. X, стр. 472; ср. т. XI, стр. 316—317). Вообще Лесков неоднократно сообщал о взыскательности к своему творчеству в письмах к разным лицам.

²⁴ Письмо к В. А. Гольцеву 4 июня 1894 г. (Собр. соч., т. XI, стр. 585).

²⁵ Неиздано. — ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 337. В октябре 1881 г. Лесков поместил в «Руси» своего прославившегося впоследствии «Лешву» (№№ 49—51).

²⁶ Неиздано. Черновой автограф, сверху озаглавленный «Из жизни». — ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 46; датируется 1882—1885 гг.

В. В. Виноградов, как и другим исследователям, остались неизвестными строки из одной незначительной рецензии Лескова того же 1882 г. Строки эти возвращают читателя к полемике Достоевского с Лесковым 1873 г. («Дневник писателя» 1873 г. X. Рязневый. — XI, 79—92), которую как раз разбирает в своей статье В. В. Виноградов. Разгромив вирши некоего Г. М. Швецова, Лесков так заканчивает отзыв:

«Подписано: „Сочинитель-самоучка“, из чего, может быть, следует заключить, что Г. М. Швецов, написавший „Венок“, и Г. М. Швецов, написавший давненько прежде этого очень несостоятельное сочинение по бухгалтерии, совсем разные лица. Этим устраняется сомнение, которое выразил однажды Достоевский, подозревавший, что под именем простолюдинов в литературе иногда являются „ряжены е“» («Венок дарю-великомученику...» — «Исторический вестник», 1882, № 4, стр. 225).

²⁷ «Новости и Биржевая газета», 1883, 1-е изд., № 1 и 3, 1 и 3 апреля (ни разу не перепечатывалось). В цитируемой нами сноске Лескова в словах «не доставало начитанности» в газете явная опечатка — «и доставало» (автограф статьи не известен).

²⁸ «Лит. наследство», т. 83, 1971, стр. 670. На том же листе имеется запись Достоевского: «Турецкий костюм. Вот бы кому дать веру-то в руки. Уж они бы ее обработали. А над всеми поставить бы Янышева, и попа со звездой (Васильева)». Рядом на полях: «Православное обозрение. Лесков». Что означает здесь имя Лескова? Возможно, Достоевский имеет в виду серию очерков Лескова «Великосветский раскол», печатавшуюся в «Православном обозрении» за 1876—1877 г. В главе XV Лесков пишет о встречах английского проповедника Редстока с крупнейшими деятелями русского духовенства, игравшими большую роль в сближении католической церкви с православной — Васильевым и Янышевым (1876, № 10, 8 октября).

Иоанн Леонтьевич *Янышев* (р. 1826) — доктор богословия, ректор С.-Петербургской духовной академии. — Иосиф Васильевич *Васильев* (1827—1881) — священник при русской церкви в Париже. В 1866 г. был вызван в Россию и назначен председателем Учебного комитета при Св. синоде. Имел ордена — Анну 1-й степени и Владимира 2-й степени.

Однако не лишено вероятия, что Достоевский обратил внимание на анонимную статью «К вопросу о преподавателях закона божия в народной школе», напечатанную в майской книжке «Православного обозрения» 1880 г. (стр. 167—184) и посвященную в основном разбору доклада Лескова на названную тему в Ученом комитете Министерства народного просвещения (вышел отдельным изданием в начале 1880 г.).

²⁹ Собр. соч., т. XI, стр. 406.

³⁰ Там же, стр. 340.

³¹ Письма 17 и 20 августа 1883 г. (Собр. соч., т. XI, стр. 283—284).

³² Убийство Александра II народолюбцами 1 марта 1881 г.

³³ Автограф. — ИРЛИ, 22. 574. CLVIII. 561; частично приведено в названной книге А. Н. Лескова, стр. 293.

³⁴ Собр. соч., т. XI, стр. 87—88 (гл. XVII).

³⁵ «Новости и Биржевая газета», 1886, №№ 151 и 161, 4 и 14 июня; Собр. соч., т. XI, стр. 146—156.

³⁶ Собр. соч., т. XI, стр. 327.

³⁷ См. письмо Достоевского к Суворину 14 мая 1880 г. и комментарий А. С. Долинина к нему («Письма», IV, стр. 142—143, 413—415).

³⁸ Черновой автограф.— ЛБ, ф. 360, карт. 2, ед. хр. 16, л. 23 об. Датируется на основании письма Лескова В. А. Гольцеву 10 мая 1891 г. (Собр. соч., т. XI, стр. 487).

³⁹ Черновой автограф.— ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 64, л. 1. Датируется 1887 г. по содержанию.

⁴⁰ «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Подгот. к печати Д. И. Абрамович. Л., 1927, стр. 69.

⁴¹ ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 16.—Первоначальное (зачеркнутое) заглавие «О грошовой свечке». На л. 1 об. наклеена вырезка заметки из «Нового времени» 17 октября. Написано, несомненно, под свежим впечатлением от выступлений этой газеты, т. е. 18—20 октября 1884 г.

⁴² *Штаб-офицер* — подполковник 59-го пехотного полка М. Ю. Ашенбреннер, обвинявшийся по процессу «четырнадцати» вместе с членами общества «Народная воля» поручиком Н. М. Рогачевым, лейтенантом флота А. П. Штромбергом, В. Н. Фигнер и др. Процесс шел с 24 по 28 сентября 1884 г. в Петербургском военно-окружном суде.

В № 285 «Московских ведомостей» 14 октября 1884 г. было напечатано «Правительственное сообщение» об окончании процесса и о приговоре над осужденными. А на стр. 3 в анонимной заметке «Москва, 13 октября» корреспондент газеты, сравнивая приговоренных с первомайцами, патетически восклицал: там «недоучившиеся студенты, сбитый с толку мастеровой... Теперь выступают аристократы крамолы, не менее прикосновенные к ее злодействам и к царевубийству. Подполковник Ашенбреннер, это уже не Рысаков... Особенно возмутительно появление более или менее значительных военных чинов в этой шайке. Не поведут ли дальнейшие розыски, боже сохрани, еще повыше?» Далее он возмущался изменой «не только общему долгу, но и воинской чести, присяге солдата».

⁴³ Подчеркнуто Лесковым.

⁴⁴ Н. Е. Суханов (р. 1853) — лейтенант флота, активный член Исполнительного комитета «Народной воли», осужден по процессу «двадцати» (расстрелян 19 марта 1882 г.).

⁴⁵ Редакция «Нового времени» помещалась на Малой Итальянской ул., д. 18.

⁴⁶ Известный революционер полковник П. Л. Лавров (1823—1900) был арестован 24 апреля 1866 г. в Петербурге за близкие сношения с государственными преступниками и выслан в Вологодскую губ.

⁴⁷ Подпоручик В. А. Дубровин (р. 1855) был связан с обществом «Земля и воля»; ярый сторонник царевубийства. Повешен 20 апреля 1879 г. (см. о нем — «Письма», IV, стр. 57, 382—383).

⁴⁸ Поручик И. Н. Арнольд и подпоручик П. М. Словицкий — члены революционной организации русских офицеров в Польше — были арестованы 24 апреля 1862 г. в окрестностях Варшавы и расстреляны 16 июня. А. Сахновский (Сохновский), их союзник, успел эмигрировать в Париж (впоследствии переписывался с Герценом).

⁴⁹ Лесков имеет в виду восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади.